

УДК 82

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ УТОПИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ В ПОВЕСТИ Л. УЛИЦКОЙ «СОНЕЧКА»

Т.А. Загидулина (Красноярск, Россия)

Аннотация

Проблема и цель. В статье рассмотрены черты утопического мировоззрения в повести Л. Улицкой «Сонечка». Актуализируется проблема конструирования дуалистичной картины мира, представленной в тексте. *Цель* статьи – выявление утопических мотивов в одном из знаковых произведений современной русской литературы. Методологию исследования составляют сравнительно-исторический и культурологический подходы.

Результаты. На основе литературоведческого анализа проявлений утопического мировоззрения выявлена дуалистическая конструктивная доминанта текста.

Заключение. Образ Сонечки построен в рамках утопического мировоззрения, он софиологичен, погруженность героини в ирреальные миры проблематизирует ее бытие в настоящем. Даже сфера быта предельно ритуализируется, что позволяет Сонечке оставаться объективированной и существовать вне актуального времени и пространства. Образы Роберта Викторовича и Тани в этом плане выглядят реалистичными и ироничными, подчеркивается дуализм «утопия – реальность» как инструмент конструирования текста.

Ключевые слова: «Сонечка», утопия, дуализм, софиологичность, Улицкая.

Н Лейдерман и М. Липовецкий относят прозу Л. Улицкой к направлению неосентиментализма, сформировавшемуся в русской литературе в 80-х годах XX века. Это направление характеризуется, по их мнению, синтезом натурализма и сентиментализма, романтического поиска и гипертрофированной телесности, даже эротизма – «точнее было бы сказать, что новый сентиментализм ищет язык, в котором телесные функции приобрели бы новое духовное значение» [Липовецкий, Лейдерман, 2003, с. 333]. Новый сентиментализм, по М. Липовецкому и Н. Лейдерману, также характеризуется интересом к культурным архетипам, наполненным «высоким духовным смыслом», он обращается «к романтическому мифу как к онтологической реальности». Телесность нового сентиментализма противопоставляется потерявшему свое значение логосу, рацио.

Некоторые исследователи относят творчество автора и к литературе постмодернизма (О. Дарк, Т. Казарина («Тайная религия праздника»), Е. Икшина). Тексты Л. Улицкой рассматривают и в гендерном аспекте (Е.Г. Кошкарова). Литературой мейнстрима прозу писательницы считают Д. Шаманский и Л. Данилкин, откровенной беллетристикой – О. Крыжовицкая, Н. Иванова.

Наибольшее количество исследований выполнено в мифопоэтическом ключе. Н. Егорова анализирует своеобразие проблематики и поэтики произведений Л. Улицкой 1980–2000-х годов, также внимание исследовательницы привлекает интермедальность, связь с другими видами искусств: живописью и музыкой.

О. Побивайло осмысляет функции космогонического, семейного, близнечного мифов в прозе Улицкой, анализирует способы типологизации героев, творение автором собственного мифа, основанного на рецепции русской классической литературы и античной традиции. В диссертации Т. Скоковой содержится анализ литературных связей творчества Л. Улицкой и А.П. Чехова, сопоставление репрезентаций проблемы «маленького человека», ситуации прозрения в прозе двух авторов, анализ творчества в контексте мифопоэтики и постмодернистской эстетики (М. Горелик «Прощание с ортодоксией»).

Достаточно обширен корпус работ, посвященных осмыслению семейной темы в прозе Л. Улицкой. В исследовании Э.В. Лариевой «Концепция семейственности и средства ее художественного воплощения в прозе Л. Улицкой» впервые осуществлено системное изучение произведений автора в контексте семейной проблематики. Ученый также обращается к мифопоэтическому подходу к изучению творчества писательницы, анализирует мифологические, библейские истоки образности. Помимо прочего, Э.В. Лариева размышляет над проблемой жанрового своеобразия текстов.

В нашей статье будут рассмотрены проявления утопического сознания в повести Л. Улицкой «Сонечка». Одним из знаковых исследований утопии стала монография Н.В. Ковтун «Русская литературная утопия второй половины XX века» [Ковтун, 2005]. В работе автор акцентирует внимание на границе между утопией как метажанром и утопическим мировоззрением. Черты утопического мировоззрения будут в фокусе внимания в данной статье.

В диссертационном исследовании С.В. Безотчетниковой «Русская литературная антиутопия, пределы XX–XXI веков: динамика развития, векторы модификации, типология» выделена совокупность черт, квалифицированная как утопическая парадигма, «включающая такие системные уровни: 1) совокупность акциональных и аксиологических установок (знания, ценности, убеждения), связанных с проявлениями утопического художественного сознания и мышления; 2) систему мифоутопических сюжетных архетипов, утопической топики, структурных элементов утопии, выступающих в качестве средств выражения утопического модуса в художественной литературе, наиболее ярко эксплицируемых в жанрах утопии и антиутопии» [Безотчетникова, 2008, с. 15].

Основной характеристикой утопического сознания является ориентация на идеал, иногда она сопряжена с устремленностью в будущее, но далеко не всегда, например в повести «Сонечка», взгляд главной героини направлен в прошлое, причем не в реальное прошлое, а в прошлое метафизическое, воплощенное в культурном феномене классической русской литературы. Е. Черткова в статье «Утопия как тип сознания» пишет: «Трансцендентность утопии более радикальна: это выход за границы не только действительного, но и возможного, каким оно представляется в перспективе логики развития существующего мира. Временные каузальные связи предшествующего с последующим не имеют для нее никакого значения» [Черткова, 1993, с. 72]. Подобным образом выстраивает-

ся картина мира Сонечки. Героиня находится в несуществующей реальности, которая для нее всегда более релевантна, причем как в случае с книгами, так и в ситуации семейного быта.

Для социальных утопий-проектов характерно техноцентристское понимание мира, для «Сонечки» – это даже не логоцентризм, а литературоцентризм, актуальность которого является предметом для литературоведческих и культурологических дискуссий (в 2014 году в Красноярске вышел сборник научных статей «Кризис литературоцентризма. Утрата идентичности vs. новые возможности»). Сознание Сонечки, во-первых, ретроспективно, во-вторых, что характерно для утопии, противопоставлено объективной действительности.

«Сонечка» Л. Улицкой аллюзивно связана с «Соней» Т. Толстой. Персонажи встраиваются в традиционную для русской литературы софиологическую парадигму, о чем подробно написано в статье Н.В. Ковтун «Софиологическая парадигма в творчестве Т. Толстой (на материале рассказа “Соня”» [Ковтун, 2009] и других работах исследователя [Ковтун, 2010]. Обе героини предстают перед читателем через призму Слова. Только Сонечка является читателем, нетворцом (идея творца заложена в образе Роберта Викторовича, эта идея рассмотрена в статье Н.В. Ковтун «Мифология поиска истины в раннем творчестве Л. Улицкой» [Ковтун, 2013]), тогда как Соня Т. Толстой сама является «писателем», созидает, и это возвышает ее. Героиня становится спасительницей, несмотря на то, что в тексте Соню постоянно называют «дурой». Персонажи обоих авторов близки внутренним ощущением «отдавания» себя в дар. Они являются хранительницами духовных ценностей – в начале своей жизни Сонечка – библиотекарь, Соня – музейный работник: «Соня служила каким-то там научным хранителем, что ли; скучная жизнь у этих музейных хранителей, все они старые девы» [Толстая, 2002]. С мотивом сбережения связан мотив девства, которое выступает как «хранение себя», застывшее положение, отчасти препятствующее выполнению естественной женской функции рождения дитя. И несмотря на то, что Сонечке все-таки удается родить, это маркируется как чудо: «матка у Сонечки была так называемая детская, недоразвитая и не способная к деторождению, и никогда больше после Танечки Соня не беременела, о чем горевала и даже плакала» [Улицкая, 2006]. Толстовская Соня лишь любит детей, но остается в рамках платонической виртуальной любви, причем не к реальному человеку, а к Слову.

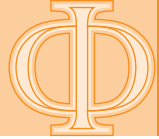
В обоих произведениях есть мотив бессознательной любви женщины к женщине. У Л. Улицкой – это любовь Тани к Ясе, которая описана в парадигме телесности и эротизма: «Предметом страстной влюбленности стала школьная уборщица, а заодно и одноклассница, восемнадцатилетняя Яся <...> Крупная и размашистая Таня с обожанием смотрела на <...> Ясю и страдала от застенчивости» [Улицкая, 2006], у Т. Толстой – любовь Сони к Аде в образе Николая, причем внутренний Николай Ады тоже начинает проникаться своим маскулинным существованием: «Ада мужественно, угрюмо, одна несла свое эпистолярное бремя. <...> Она уже сама стала немного Николаем <...>. И две женщины на двух кон-

цах Ленинграда, одна со злобой, другая с любовью, строчили друг другу письма о том, кого никогда не существовало» [Толстая, 2002]. Вопрос пола разрабатывается в русле создания андрогинного типа, что характерно для русского утопического сознания начала XX века. Это доказывает еще раз, что оба текста аллегорично связаны с культурой Серебряного века.

«Эротическое воздержание, рассматриваемое как необходимое условие для уничтожения смерти и достижения бессмертия тела, представляет собой оксюморонную сексуальную практику. Оно не только отвергает естественный закон продолжения рода и прославляет неутоленное эротическое желание, но и отражает радикальное представление о том, что отказ от секса является действующей силой. <...> символисты провозглашали эротическое влечение неотъемлемой частью преобразующего воздержания» [Матич, 2008]. Идеи русского модернизма начала века были актуальны для эсхатологической утопии конца мира. Андрогинность и воздержание становились одними из факторов достижения состояния конца мира – неразмножения. Т. Толстая дает указание на возраст Сони – в сорок первом году ей был сорок один год. Соня – дитя эпохи модерна, она не продолжает род, у нее нет телесной женскости, ее женскость сугубо метафизическая, причем заключена она не в продолжении рода, а в духовной близости с мнимым мужчиной. Близость без соития также характерна для утопического сознания, стоит вспомнить идеал Прекрасной Дамы, которая не была объектом сексуального вожделения.

Сонечка Л. Улицкой примерно ровесница Сони у Т. Толстой, она также не обладает женскостью в общепринятом смысле слова: «Нос ее был действительно грушевидно-расплывчатым, а сама Сонечка, долговязая, широкоплечая, с сухими ногами и отсиделым тощим задом, имела лишь одну статью – большую бабью грудь, рано отросшую да как-то не к месту приставленную к худому телу» [Улицкая, 2006]. Грудь, которая предназначена для вскармливания потомства, становится «никчемным богатством», бедра автор называет «унылой плоскостью сзади», что также свидетельствует о том, что Сонечка даже на физиологическом уровне не совсем женщина. Сонечка как бы не существует в реальном мире, являясь субъектом только в мире собственных иллюзий, она максимально объективирована, такая объективация характерна для постсоветской литературы, унаследовавшей традиции советской. Происходит «расчленение существа героя и его ума – пространства, где происходит переживание», как это описывает О.А. Глушенкова, обращаясь к теме реализации экзистенциала «бытия к смерти» в художественном тексте [Глушенкова, 2018].

Образ Тани, дочери Сонечки, разрушает утопию андрогинности, не относится к миру утопического и Роберт Викторович, муж Сонечки, который чувствует духовное единство с дочерью – у них гипертрофирована почти животная телесность, неиссякаемый эротизм. Сонечкина жизнь не жизнь тела, даже мыслительные процессы ее описаны через нечто, происходящее в душе: «А безмятежная душа Сонечки, закутанная в кокон из тысяч прочитанных томов <...> безмя-

тежная душа Сонечки не узнавала своей великой минуты...» [Улицкая, 2006] – так воссоздан внутренний мир Сонечки, в жизни которой все происходило в виртуальных, метафизических пространствах. Она не Творец, не создатель по своей природе – хранитель созданной человеком культуры.

В образе соиздателя представлен Роберт Викторович – на протяжении всего произведения он творит. Муж на двадцать лет старше Сонечки, и их союз изначально странен, алогичен. Роберт Викторович описан через призму своих творений, во-первых, он художник: «Из пяти лагерных лет, вспоминал Роберт Викторович, особенно тяжелыми были первые два, потом как-то обмялось – стал писать портреты начальственных жен, <...> выполняя их, обычно развлекал себя каким-нибудь формальным способом, например, писал левой рукой. Попутно он сделал открытие об изменившемся в связи с временной леворукостью цветовосприимчивости...» [Улицкая, 2006], «Он построил уборную, и его сосед старик Рагимов качал головой и усмеялся: в здешних краях деревянную доску с вырезанным очком считали излишней роскошью и обходились испокон веку тем недалеким местом, что называлось “до ветру”» [Улицкая, 2006]. Ироническое описание говорит о том, что и строительство уборной может стать актом искусства, сопряженным с иными творческими усилиями, например, созданием игрушек для дочери: «Роберт Викторович строил ей целые фантастические города из щепок и крашеной бумаги, богатые подходы к тому, что впоследствии называли бумажной архитектурой» [Улицкая, 2006]. Вероятно, сортир, построенный Робертом Викторовичем, является отсылкой к инсталляции И. Кабакова «Туалет» (1992). Обособленность сортира подчеркивает противопоставленность Роберта Викторовича окружению, обозначает индивидуалистический (в пику советскому коллективистскому) характер его мировоззрения, при котором сопряжение гостиной (места жизни в общем смысле) и уборной, иронически продемонстрированное И. Кабаковым, невозможно.

Пространство текста представляет оппозицию утопического и реального. В рамках утопического пространства живет Сонечка, для нее на самом раннем и на самом позднем этапе жизни пространство настоящего предстает нерелевантным, она стоически и бесстрастно переносит тяготы быта. Символично нахождение ее в подвальном книгохранилище – подземный мир всегда маркируется как место иное, inferнальное, ее перемещения не столь грандиозны, как перемещения членов ее семьи – Тани и Роберта Викторовича. Движение Сонечки скорее вынуждено, обусловлено внешними обстоятельствами, пик утопичности ее сознания приходится на время обретения ею постоянного дома и жизни в контексте творимого ей семейного мифа. Нахождение Сонечки в дороге делает ее андрогинной: «Мотаясь в пригородных автобусах и расхлябанных электричках, она быстро и некрасиво старилась: нежный пушок над верхней губой превращался в неопрятную бесполоую поросль» [Улицкая, 2006]. Сонечка перемещается в метафизических пространствах, созданных авторами текстов, ею читаемых, физически она статична, метафизически – более мобильна, чем другие персонажи.

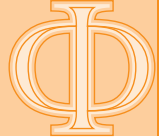
Противопоставить ей можно богатую на перемещения жизнь Роберта Викторовича и Тани. «Если первая половина жизни Роберта Викторовича проходила в крупных и шальных географических бросках из России во Францию, потом в Америку, на Балканы, в Алжир, снова во Францию и, наконец, опять в Россию, то вторая половина, отбитая лагерем и ссылкой, проходила в мелких перебежках: Александров, Калинин, Пушкино, Лианозово. Так целое десятилетие он снова приближался к Москве, которая отнюдь не казалась ему ни Афинами, ни Иерусалимом» [Улицкая, 2006], Таня находится в постоянном движении – она живет между Ленинградом и Москвой, а потом уезжает в Швейцарию.

Несмотря на то, что во время своей семейной, посвященной дому и домашним делам жизни Сонечка перестает читать, выходит из мира иллюзий, она все равно создает вокруг себя утопическое пространство – и в этом, новом качестве оставляет за собой функции хранителя. Стоит отметить, что это новое пространство маркируется всеми признаками пространства райского – сад, идиллия, музыка, искусство. Сонечкин быт на данном этапе жизни становится ритуалом, обусловленным обращением к еврейским корням, но обращением не столько пылким и духовным, сколько внешними и материальными: «В ней просыпалась память о субботе, и тянуло к упорядоченно-ритуальной жизни <...>, оторванная от этой древней жизни, она вкладывала весь свой непознанно-религиозный пыл в кухонную возню. <...> Она все прикупала, прикупала разрозненные кузнецовские соусники и фаянсовые английские тарелки по баснословно блошиным ценам в комиссионке на Нижней Масловке» [Улицкая, 2006]. Даже принятие в свой дом Чужого – Яси – воспринималось Соней и как часть ритуала – «мицва» – доброе дело. Ритуализированность характерна для утопического мировоззрения, о чем пишет Н.В. Ковтун в монографии «Русская литературная утопия второй половины XX века» [Ковтун, 2005]. Подобное сознание формируется у Сонечки с рождения: «От первого детства, едва выйдя из младенчества, Сонечка погрузилась в чтение» [Улицкая, 2006].

Итак, повесть Л. Улицкой «Сонечка» построена на противопоставлении утопического и реального, причем это противопоставление выстроено и на уровне создания образов, и на пространственном уровне. Подобный дуализм («способ сопряжения поляризованных величин, который может преобразовываться как в синтез, так и в антиномию» [Степанова, 2017, с. 21]) характерен для русской литературы XX века. Несмотря на постмодернистские интенции автора, снятия дуализма не происходит. Автор выстраивает оппозицию физического-метафизического, где метафизическое всегда утопично, а физическое – животно, инстинктивно.

Библиографический список

1. Безотчетникова С.В. Русская литературная антиутопия пределы XX–XXI веков: динамика развития, векторы модификаций, типология: автореф. дис. ... канд. филол. наук. 2008.
2. Глушенкова О.А. Деконструкция языка в советском ментальном пространстве в контексте экзистенциала «бытия к смерти» (на материале текстов А. Платонова) // Сибирский филологический форум. 2018. № 2 (2). С. 41–48.

3. Горелик М. Прощание с ортодоксией // Новый мир. 2007. № 5. С. 168–172.
4. Егорова Н.А. Проза Улицкой 1980–2000-х годов: проблематика и поэтика: дис. ... канд. филол. наук. 2007.
5. Ковтун Н.В. Игра мифологемами модернизма в рассказе «Соня» Т. Толстой // Игра как прием текстопорождения: монография / под ред. А.П. Сковородникова. Красноярск: СФУ, 2010. С. 87–94.
6. Ковтун Н.В. Мифология поиска истины в раннем творчестве Л. Улицкой // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 6.
7. Ковтун Н.В. Повесть Л. Улицкой «Сонечка»: поэтика экфрасиса: монография // Жанровые трансформации в литературе и фольклоре. Челябинск: Энциклопедия, 2012. С. 87–118.
8. Ковтун Н.В. Русская литературная утопия второй половины XX века: монография. Томск: ТГУ, 2005. 536 с.
9. Ковтун Н.В. Софиологическая парадигма в творчестве Т. Толстой (на материале рассказа «Соня») // Literatūra. 2009. Т. 51, № 2. С. 90–99.
10. Кошкарлова Е.Г. Идеино-художественный диапазон «женской темы» в прозе современных русских писательниц и оценках литературной критики: дис. ... канд. филол. наук. Псков, 2006.
11. Кризис литературоцентризма: утрата идентичности vs новые возможности / отв. ред. Н.В. Ковтун. М.: Флинта: Наука, 2014. 576 с.
12. Лариева Э.В. Концепция семейственности и средства ее художественного воплощения в прозе Л. Улицкой: дис. ... канд. филол. наук. 2009.
13. Липовецкий М., Лейдерман Н. Современная русская литература: 1950–1990-е годы: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений: в 2 т. 1968–1990. М.: Академия, 2003. 688 с. Т. 2.
14. Матич О. Эротическая утопия: новое религиозное сознание и fin de siècle в России. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 400 с.
15. Побивайло О.В. Мифопоэтика прозы Людмилы Улицкой: дис. ... канд. филол. наук / Сибирский федеральный университет. Красноярск, 2009.
16. Скокова Т.А. Проза Людмилы Улицкой в контексте русского постмодернизма: дис. ... канд. филол. наук. 2010.
17. Степанова В.А. Дуализм как формула мировоззрения В. Распутина: художественная система выражения: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2017.
18. Толстая Т. Река Оккервиль: рассказы. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. URL: <http://lib.ru/PROZA/TOLSTAYA/okkervil.txt>
19. Улицкая Л. Сонечка: повести и рассказы. М.: Эксмо, 2006. URL: <https://www.xn--7sbb3aiknde1bb0dyd.com.ua/sovremennaya-proza/4055-ulitskaya-lyudmila-evgenevna-sonchka.html>
20. Черткова Е. Утопия как тип сознания // Общественные науки и современность. 1993. № 3. С. 71–81.
21. Юзбашев В. Параллельная литература // Знамя. 1998. № 11. С. 221–222.

Сведения об авторе

Загидулина Татьяна Андреевна – аспирант кафедры мировой литературы и методики ее преподавания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: zagi9@rambler.ru

REPRESENTATION OF A UTOPIAN WORLDVIEW IN THE STORY OF L. ULITSKAYA «SONECHKA»

T.A. Zagidulina (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Problem and purpose. In the article the features of a utopian world outlook in L. Ulitskaya's novel "Sonechka" are considered. The problem of constructing a dualistic picture of the world, presented in the text, is being foregrounded. The purpose of the article is to identify utopian motives in one of the iconic works of contemporary Russian literature. The author of the article made an attempt to reconstruct the picture of the world, represented in the story through the prism of the opposition "utopia-reality". The methodology of the study is realized on the basis of comparative-historical and culturological approach.

Results. Grounded on the literary analysis of the manifestations of a utopian worldview, a dualistic constructive dominant of the text is revealed.

The conclusion. The image of Sonechka is created within the framework of a utopian worldview which is sophiological. The immersion of the heroine into the surreal worlds makes her existence in the real world quite problematic. Even the sphere of everyday life is extremely ritualized, which allows Sonechka to remain objectified and exist outside the actual time and space. The images of Robert Viktorovich and Tanya in this respect remain absolutely realistic, even ironicphysiological, which allows us to consider the "utopia-reality" dualism a tool for constructing the text.

Key words: "Sonechka", utopia, dualism, sophiology, Ulitskaya.

Bibliograficheskij spisok

1. Bezotchetnikova S.V. Russkaya literaturnaya antiutopiya, predely XX–XXI vekov: dinamika razvitiya, vektory modifikacij, tipologiya: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. 2008.
2. Glushenkova O.A. Dekonstrukciya yazyka v sovetskom mental'nom prostranstve v kontekste ehkzistenciala «bytiya k smerti» (na materiale tekstov A. Platonova) // Sibirskij filologicheskij forum. 2018. № 2 (2). S. 41–48.
3. Gorelik M. Proshchanie s ortodoksiej // Novyj mir. 2007. №. 5 S. 168–172.
4. Egorova N.A. Proza Ulitskoj 1980–2000-h godov: problematika i poetika : dis. ... kand. filol. nauk. 2007.
5. Kovtun N.V. Igra mifologemami modernizma v rasskaze «Sonya» T. Tolstoj // Igra kak priem tekstoporozhdeniya: monografiya / pod red. A.P. Skovorodnikova. Krasnoyarsk: SFU, 2010. S. 87–94.
6. Kovtun N.V. Mifologiya poiska istiny v rannem tvorcestve L. Ulitskoj // Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i social'nye nauki. 2013. № 6.
7. Kovtun N.V. Povest' L. Ulitskoj «Sonechka»: poetika ehkfrasisa. Monografiya // Zhanrovyje transformacii v literature i fol'klore. CHelyabinsk: EHnciklopediya, 2012. S. 87–18.
8. Kovtun N.V. Russkaya literaturnaya utopiya vtoroj poloviny XIX veka: monografiya. Tomsk: TGU, 2005. 536 s.
9. Kovtun N.V. Sofiologicaleskaya paradigma v tvorcestve T. Tolstoj (na materiale rasskaza «Sonya») // Literatūra. 2009. T. 51, № 2. S. 90–99.
10. Koshkarova E.G. Idejno-hudozhestvennyj diapazon «zhenskoj temy» v proze sovremennyh russkih pisatel'nic i ocenkah literaturnoj kritiki: dis. ... kand. filol. Nauk. Pskov, 2006.
11. Krizis literaturocentrizma: utrata identichnosti vs novye vozmozhnosti/otv. red. N.V. Kovtun. M.: Flinta: Nauka, 2014. 576 s.

12. Larieva E.H.V. Konceptsiya semejstvennosti i sredstva ee hudozhestvennogo voploshcheniya v proze L. Ulickoj : dis. ... kand. filol. nauk. – 2009.
13. Lipoveckij M., Lejderman N. Sovremennaya russkaya literatura: 1950–1990-e gody: Ucheb posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedenij: 2 t. 1968–1990. M.: Akademiya, 2003. T. 2. 688 s.
14. Matich O. EHroticheskaya utopiya: novoe religioznoe soznanie i fin de siecle v Rossii. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2008. 400 s.
15. Pobivajlo O.V. Mifopoehtika prozy Lyudmily Ulickoj: dis. ... kand. filol. nauk. – Sibirskij federal'nyj universitet, 2009.
16. Skokova T.A. Proza Lyudmily Ulickoj v kontekste russkogo postmodernizma: dis. ... kand. filol. nauk. 2010.
17. Stepanova V.A. Dualizm kak formula mirovozzreniya V. Rasputina : hudozhestvennaya sistema vyrazheniya: diss. ... kand. filol. Nauk. SPb., 2017.
18. Tolstaya T. Reka Okkervil': rasskazy. M.: EHKSMO-Press, 2002. URL: <http://lib.ru/PROZA/TOLSTAYA/okkervil.txt>
19. Ulickaya L. Sonechka: Povesti i rasskazy, M.: EHksmo, 2006. URL: <https://www.xn—7sbb3aiknde1bb0dyd.com.ua/sovremennaya-proza/4055-ulitskaya-lyudmila-evgenevna-sonechka.html>
20. Chertkova E. Utopiya kak tip soznaniya // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 1993. № 3. S. 71–81.
21. Yuzbashev V. Parallel'naya literatura // Znamya. 1998. № 11. S. 221–222.

About the author

Tatiana A. Zagidulina – post-graduate student of the Department of World Literature and Methods of its Teaching, philological faculty, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev; e-mail: zagi9@rambler.ru